

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125

Научная статья / Research article

Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм?

Э. Эршен

Университет Мармара, Стамбул, Турция

 eersen@marmara.edu.tr

Аннотация. Евразийство как политическая идеология вновь проявилось на российской политической сцене в 1991 г. после распада СССР. При этом в это же время идеи евразийства вызвали немалый интерес среди турецких политических и интеллектуальных кругов. Однако со временем в турецком контексте евразийство приобрело различные идеологические значения и измерения, которые в настоящее время оформились в два основных направления: первое ориентировано на задачи углубленной интеграции между Турцией и тюркскими республиками Кавказа и Центральной Азии, второе — на стратегическое сотрудничество Турции с Россией и Китаем в качестве альтернативы ее давним связям с Западом. Хотя первый подход в основном привлекает националистически-консервативные группы в Турции, второй подход поддерживается так называемыми национально-патриотическими группами. В сложившемся контексте цель статьи — проанализировать роль Турции в двух международных организациях, базирующихся в Евразии, — Организации тюркских государств и Шанхайской организации сотрудничества, так как они соответствуют двум версиям евразийства в Турции. Посредством анализа политики турецких правительств в отношении данных организаций можно проследить влияние евразийства как идеологии на официальную стратегию Анкары к идее евразийской интеграции, в которой прагматические политические и экономические соображения играют одинаково важную роль.

Ключевые слова: Турция, евразийство, евразийская интеграция, Организация тюркских государств, Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: Эршен Э. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 111—125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125>

Turkey and the Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism?

Emre Erşen

Marmara University, Istanbul, Turkey

 eersen@marmara.edu.tr

Abstract. While Eurasianism as a political ideology has made a remarkable comeback to the Russian political scene following the dissolution of the Soviet Union in 1991, it has also attracted considerable interest among Turkish political and intellectual circles since the early 1990s. Yet, Eurasianism in the Turkish context has acquired different ideological meanings in time. In this regard, it is possible to highlight two main strands of Eurasianism in Turkey: one focusing on the prospects for advanced integration between Turkey and the Turkic republics of the

© Эршен Э., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Caucasus and Central Asia, and other concentrating on Turkey's strategic cooperation with Russia and China as an alternative to its long-standing ties with the West. While the first approach mainly appeals to nationalist-conservative groups in Turkey, the second is supported by the so-called national-patriotic groups. The article aims to discuss Turkey's role in two Eurasia-based international organizations — the Organization of Turkic States and the Shanghai Cooperation Organization — as they respectively correspond to the two versions of Eurasianism in Turkey. By analyzing the Turkish governments' policies towards these two organizations, it would also be possible to reveal the influence of Eurasianism as an ideology on Ankara's official approach to the idea of Eurasian integration, in which pragmatic political and economic concerns play an equally important role.

Key words: Turkey, Eurasianism, Eurasian integration, Organization of Turkic States, Shanghai Cooperation Organization

For citation: Erşen, E. (2022). Turkey and the Eurasian integration: Ideology or pragmatism? *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 111—125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125>

Введение

Евразийство, которое представляет собой политическую идеологию, распространявшуюся рядом русских интеллектуалов-эмигрантов в 1920-х гг., триумфально вернулось на российскую политическую сцену после распада Советского Союза. Следует отметить, однако, что после окончания холодной войны привлекательность этой идеологии уже не ограничивалась только Россией. В частности, в Турции евразийство стало вызывать значительный интерес среди политических и интеллектуальных кругов с начала 1990-х гг. (Erşen, 2013a; Yanik, 2019). Отчасти это связано с уникальным географическим положением Турции, которое делает ее подлинно евразийской страной, поскольку ее территория располагается как на европейском, так и на азиатском континентах. В то же время растущий интерес к евразийству в Турции был тесно связан с непростыми отношениями между Турцией и Западом, что стало еще более заметным в 2000-е гг. В частности, в последние несколько лет увеличивающийся разрыв между интересами Турции и США в плане обеспечения безопасности, по ряду региональных политических вопросов, а также проблемные отношения Турции и ЕС стали теми важными факторами, которые обусловили рост интереса турецких политиков к евразийству.

Ряд ученых в Турции рассматривают евразийство как некое альтернативное геополитическое видение, отражающее антизападные и пророссийские тенденции в турецкой политике (Akçalı & Perinçek, 2009; Aktürk,

2015). Улучшение политических, экономических и военных отношений между Турцией и Россией после окончания холодной войны становится неотъемлемой частью этих дебатов, особенно с 2014 г., когда напряженность между Москвой и Западом резко обострилась после кризиса на Украине. Конечно, трудно утверждать, что Турция и Россия добились разрешения всех своих разногласий по геополитическим вопросам в огромном регионе, простирающемся от Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья до Черного моря и Кавказа, тем не менее правительства двух стран стремятся поддерживать стратегический диалог в отношении региональных конфликтов, включая Сирию, Ливию и Нагорный Карабах.

В то же время следует отметить, что турецкие и российские лидеры стали более открыто воспринимать друг друга как партнеров, в том числе и в идеологическом плане, особенно в рамках критики либерального международного порядка, возглавляемого Западом. Например, сильный акцент президента России В.В. Путина на значении многополярного мирового порядка разделяет и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, хотя Эрдоган критически относится к структуре членства в Совете Безопасности ООН и считает, что международная система принятия решений должна быть более инклюзивной, о чем также свидетельствует его лозунг «Мир больше пяти». В этом смысле не только Россия, но и другие восходящие державы, такие как Китай и Индия, стали играть более важную роль во внешнеполитических и экономических

отношениях Турции за последние несколько лет (Erşen & Köstem, 2019). В частности, стратегическое сближение России и Китая предоставило турецким лидерам возможность обратить большее внимание на евразийское направление турецкой внешней политики, особенно в то время, когда Анкаре все труднее решать свои сложные проблемы с Западом.

В последние годы турецкие политики проявляют растущий интерес к БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — двум наиболее ярким символам многополярного мира, которые на протяжении многих лет российские и китайские лидеры противопоставляют либеральному международному порядку, продвигаемому Западом. Однако если БРИКС в основном сосредоточен на содействии сотрудничеству по экономическим, финансовым вопросам и проблемам развития, то ШОС стала ярким примером для сторонников евразийства в России и других странах, главным образом благодаря своей повестке дня, ориентированной на безопасность, и четко очерченному региональному охвату, который включает не только большинство бывших советских республик, но и таких крупных акторов евразийской геополитики, как Китай, Индия, Пакистан и Иран. В этом смысле неудивительно, что некоторые турецкие аналитики¹ склонны ссылаться на расширяющиеся связи Турции с ШОС всякий раз, когда пытаются раскрыть значение евразийства в турецком политическом контексте (Erşen, 2013b). В частности, Патриотическая партия (тур. *Vatan Partisi*), считающаяся ведущим сторонником евразийства в турецкой политике, уделяет особое внимание развитию геополитической оси между Турцией и блоком Россия — Китай как альтернативе длительным стратегическим связям Турции с Западом.

Однако следует подчеркнуть, что евразийство как геополитическая идея было

внесено в политическую повестку Турции не национал-патриотически настроенными группами. В действительности, именно правые политики и интеллектуалы сыграли значительную роль в стремлении представить экономическую и культурную интеграцию с тюркскими республиками на Кавказе и в Центральной Азии как жизнеспособный вариант внешней политики Турции с начала 1990-х гг. Эта чисто турецкая версия евразийства оказала сильное влияние на создание Тюркского совета, недавно переименованного в Организацию тюркских государств (ОТГ), в качестве региональной организации в 2009 г. Совершенно ясно, что прагматические экономические интересы сыграли более важную роль в развитии ОТГ, чем идеологические соображения, и подобная многосторонняя платформа представляет собой совершенно иную модель евразийства, весьма отличную от той, которую предлагали российские евразийцы. Именно по указанной причине Партия националистического движения (тур. *Milliyetçi Hareket Partisi*, МНП) поддерживала создание ОТГ с того самого момента, когда эта структура была запущена в качестве механизма президентских саммитов в 1992 г.

В данной статье предпринимается попытка выявить роль Турции в ОТГ и ШОС, двух евразийских региональных организациях, которые соответствуют двум различным геополитическим подходам к евразийству в Турции, чтобы показать ее позицию в продолжающихся дискуссиях о евразийстве и обозначить ее подходы к идее региональной интеграции на евразийском пространстве. В частности, предполагается сосредоточить внимание на политике турецких правительств в отношении этих двух организаций, чтобы можно было выявить влияние евразийства как идеологии на официальный подход Турции к евразийской интеграции, в котором прагматические политические и экономические интересы играют не менее важную роль.

Методология предполагает применение качественных методов исследования, поскольку цель статьи заключается в том, чтобы провести историко-сравнительный анализ отношений Турции с ОТГ и ШОС, что, в свою

¹ Çolakoğlu S. The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change its Pro-Western Orientation? // Middle East Institute. April 16, 2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/rise-eurasianism-turkish-foreign-policy-can-turkey-change-its-pro-western-orientation> (accessed: 11.11.2021).

очередь, помогло бы продемонстрировать, в какой степени эти две региональные организации отражают евразийские взгляды турецкой политики. С этой целью после общих рассуждений об исторической эволюции евразийства как политической идеологии в Турции после окончания холодной войны в статье предпринимается попытка сравнить официальный турецкий подход к ОТГ и ШОС в свете трех исследовательских задач:

1. Какую роль сыграла Турция в создании и/или развитии этих двух организаций?

2. Какая версия евразийской идеологии оказала более заметное влияние на точку зрения Турции относительно ОТГ и ШОС?

3. Какие прагматические политические и экономические соображения доминируют при оценке влияния евразийства на политику Турции в отношении этих организаций?

Евразийство в Турции: основные трактовки

Конечно, российское евразийство в определенной степени оказало влияние на турецкие политические дебаты в период после холодной войны, однако первые геополитические идеи относительно определения Евразии как географического региона возникли в Турции независимо от соответствующих событий в России. Хотя роспуск Советского Союза в 1991 г. принес турецким политикам значительное облегчение в плане безопасности, он также вызвал опасения относительно того, как НАТО в частности и Запад в целом воспримут рост стратегического влияния и значения Турции в этот период. Отрицательный ответ Европейского сообщества в 1989 г. на заявку Турции о полноправном членстве также усугубил подобные опасения в Анкаре. Таким образом, беспокойство Турции по поводу устойчивости ее стратегических связей с США и Европой после окончания холодной войны стало тем фактором, который заставил турецких лидеров обратить внимание на другие регионы мира после многих лет следования в фарватере приоритетов Запада при решении ключевых вопросов своей внешней политики (Özcan, 1998).

На этом фоне неудивительно, что независимость шести тюркских республик на Кавказе и в Средней Азии в 1991 г. была тепло встречена в Анкаре. Несмотря на то, что турецкие правительства более 60 лет игнорировали этот регион, чтобы не усугублять трения с Советским Союзом, появление тюркского мира было воспринято Анкарой как прекрасная возможность доказать Западу, что стратегическое значение Турции ничуть не уменьшилось с распадом Советского Союза, поскольку теперь Турция могла служить образцом для этих новых независимых государств (Aydin, 1996). Кроме того, исторические, культурные, религиозные и языковые связи Турции с регионом добавили сильный психологический аспект энтузиазму турецких лидеров в поиске новой миссии для своей страны в формирующемся постбиполярном мире (Robins, 1993).

Главы Турции, такие как Тургут Озал и Сулейман Демирель, громко заявляли о заинтересованности Анкары в установлении новых связей с этим регионом, который они также начали называть «Евразией». С. Демирель, например, утверждал, что Центральная Азия и Азербайджан являются важнейшими частями «евразийского сообщества, населенного турками» (Winrow, 1995, p. 18). Весьма примечательно в этом отношении, что Евразия, которой турецкие политики редко придавали особое географическое значение до окончания холодной войны, сразу же стала лозунгом для обозначения тюркских республик во внешней политике Турции. Например, на парламентской сессии, состоявшейся в мае 1992 г., регион Евразии был отмечен как минимум 16 раз делегатами от различных турецких политических партий².

Турецкие лидеры также говорили о создании «тюркского мира, простирающегося от Адриатического моря до Великой Китайской стены», что неизбежно вызывало подозрение, особенно у российских политиков,

² TBMM Tutanak Dergisi. 1992. Dönem 19. Cilt 10. Birleşim 74. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d19/c010/tbmm19010074.pdf> (accessed: 11.11.2021).

относительно реального смысла такой версии Евразии³. Однако, несмотря на опасения Москвы по поводу пантюркизма, Евразия вскоре стала центром амбициозной политики Турции, направленной на установление широких политических, экономических и культурных связей с тюркскими республиками. Делегации из Турции не раз посещали эти шесть стран, и в результате был подписан целый ряд двусторонних соглашений о сотрудничестве, особенно в 1991—1994 гг. (Aydm, 1996).

Возобновившийся интерес Турции к региону был также тепло встречен лидерами тюркских республик, которые неоднократно посещали Анкару и публично превозносили положительную роль, которую Турция может сыграть на постсоветском пространстве (Winrow, 1995, p. 13). Турецкие официальные лица в свою очередь убедили глав тюркских республик регулярно встречаться на так называемых «Тюркских саммитах» и проводить специальные собрания Тюркской генеральной ассамблеи, на которых присутствовали делегаты со всего тюркского мира. Что еще более важно, лидер МНР был включен в состав одной из первых официальных турецких делегаций, посетивших регион, хотя и не занимал официального поста в правительстве, что дало повод для утверждений о том, что Турция стремится продвигать пантюркизм в регионе. Можно даже утверждать, что понимание Евразии турецкими лидерами в этот период фактически основывалось на представлении о «Туране» — древней родине тюркских народов в степях Средней Азии, которая традиционно была одним из самых мощных символов турецкой националистической идеологии (Landau, 1995, p. 38).

Следует отметить, что собственно турецкая версия евразийства, ориентированная на интеграцию тюркского мира, подвергалась резкой критике, а иногда и нападкам со стороны сторонников евразийства в России. Например, Александр Дугин, которого считают самым известным идеологом

евразийства в постсоветской России, считал политику Турции по развитию отношений с тюркским миром весьма опасной для геополитических интересов России на Кавказе и в Центральной Азии и называл Турцию «козлом отпущения», считая, что она должна быть наказана за военный союз с Западом (Дугин, 2000, с. 138, 246). Он также выступал за формирование геополитического блока между Россией, Ираном и Арменией, чтобы предотвратить расширение влияния Турции в регионе.

Однако, похоже, российские евразийцы того периода практически ничего не знали о появлении в Турции еще одной группы, которая воспринимала геополитическое значение Евразии в совершенно ином свете, чем пантюркизм. Выступая за идеологию, которую можно определить как смесь турецкого национализма, кемализма и социализма, так называемые национал-патриоты (тур. *ulusalcılar*) довольно скептически относились к политике Запада в отношении Турции после окончания холодной войны и поддерживали идею включения Турции в геополитический блок с такими государствами, как Россия и Китай, чтобы сформировать антиимпериалистический лагерь в мировой политике. Догу Перинчек, харизматичный лидер Рабочей партии (позже переименованной в Патриотическую партию), и его газета «Айдынлык» сыграли ключевую роль в развитии этой антизападной версии евразийства в Турции, которая также соответствовала идеям А. Дугина (Perinçek, 2000). В этой связи неудивительно, что А. Дугин и Д. Перинчек установили тесные личные отношения, что также привело к активному участию последнего в «Международном евразийском движении», основанном А. Дугиным в 2001 г. для продвижения евразийства в других странах.

Наряду с Д. Перинчком известный турецкий поэт и интеллектуал Аттила Ильхан также сыграл важную роль в развитии геополитического видения Евразии в Турции, основанного на активизации политического и культурного сотрудничества между русским и турецким народами. С этой целью А. Ильхан уделял особое внимание работам Мирсаида

³ Altın O. Adriyatik'ten Çin'e Türkiye // Cumhuriyet. November 30, 2021. URL: <https://egazete.cumhuriyet.com.tr/oku/192/1992-02-24/0> (accessed: 04.02.2022).

Султан-Галиева, татарского большевика-революционера, который развивал идею мусульманского национал-коммунизма в первые годы существования Советского Союза (İlhan, 2000). А. Ильхан также делал акцент на политическом диалоге, который развивался между Владимиром Лениным и Мустафой Кемалем Ататюрком в 1920-х гг., и утверждал, что такой антиимпериалистический диалог может снова стать главной опорой турецко-российского сближения, но на этот раз через идеологию евразийства (Aktürk, 2004).

Явная антизападная трактовка евразийства стала вызывать все больший интерес в Турции, особенно после 2003 г., параллельно с новыми проблемами, возникшими в отношениях Анкары с США и ЕС по ряду внешнеполитических вопросов, включая Кипр и Ирак. С 2003 г. А. Дугин много раз посещал Турцию для участия в важных научных конференциях и встречался с влиятельными турецкими политиками, что еще сильнее укрепило его связи с Д. Перинчеком и Рабоче-патриотической партией (İmanbeyli, 2015). Еще более популярным в турецких СМИ он стал после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции в июле 2016 г., положившей начало новому периоду в отношениях Турции не только с Западом, но и с Россией (Erşen, 2019). Поскольку отношения Турции с США и ЕС значительно ухудшились в 2016—2021 гг., активизация стратегического сотрудничества между Анкарой и Москвой по таким вопросам, как гражданская война в Сирии и покупка Турцией ракет С-400 российского производства, была воспринята некоторыми как доказательство проявления евразийской ориентации во внешней политике Турции (Turkey towards a Eurasian Shift..., 2018).

Однако следует быть осторожными, оценивая влияние евразийства в турецком политическом контексте. Например, Рабоче-патриотическая партия так и не смогла заручиться значительной поддержкой избирателей на всеобщих выборах в Турции с 1990-х гг. Совсем недавно, например, Д. Перинчек баллотировался в качестве одного из кандидатов на президентских выборах в Турции в 2018 г.,

но смог получить голоса менее 100 000 избирателей по сравнению с Р.Т. Эрдоганом, который был избран президентом Турции при поддержке более 26 млн человек. Несмотря на то, что некоторые аналитики утверждают, будто в последние несколько лет влияние Д. Перинчека на политику турецкого правительства в отношении России стало более заметным, продолжающиеся разногласия между Анкарой и Москвой по ряду критических вопросов в Сирии, а также обеспокоенность России усилением военных связей Турции с Украиной и Грузией не позволяют говорить о возникновении стратегического евразийского блока между двумя странами.

Напротив, МНР с 2007 г. удавалось сохранять не менее 40 мест в турецком парламенте. Однако в основном это связано с долгой историей партии в турецкой политике, а также способностью ее лидера формировать коалиции с различными политическими партиями на прагматичной основе для реализации националистической повестки дня, а не для привлекательности традиционного пантюркистского или туранистского дискурса. В этой связи следует отметить, что основной фокус внешнеполитического видения Народного (Cumhur) Альянса, политической коалиции, сформированной между МНР и Партией справедливости и развития Эрдогана (ПСР), которая также имеет большинство в турецком парламенте, в настоящее время направлен на Ближний Восток, а не на Кавказ и Среднюю Азию.

Таким образом, можно утверждать, что ни одна из двух трактовок евразийства в Турции до сих пор не стала достаточно влиятельной, чтобы определять общую траекторию турецкой внешней политики, за исключением короткого периода в 1990-х гг., когда турецкие лидеры, казалось, были весьма взволнованы перспективами установления связей с новыми независимыми тюркскими государствами на Кавказе и в Центральной Азии (Neziroğlu & Yılmaz, 2015). Однако сторонники обеих трактовок все-таки смогли сыграть довольно значительную роль во внешней политике страны, особенно в тех сферах, где их компетентность была востребована со

стороны правительства, хотя действия правительства по-прежнему предпринимались в соответствии с прагматическими политическими и экономическими предпочтениями, а не идеологическими соображениями. Возрастающая роль Турции в двух евразийских региональных организациях — ОТГ и ШОС — может служить реальным доказательством в пользу этого аргумента.

Организация тюркских государств

ОТГ первоначально была создана как Совет сотрудничества тюркоязычных государств, также известный как Тюркский совет, в 2009 г. в составе Турции, Азербайджана, Казахстана и Киргизии в качестве межправительственной структуры для содействия более широкому сотрудничеству между государствами-членами. Узбекистан присоединился к организации в качестве полноправного члена в октябре 2019 г., а Венгрия стала первым государством-наблюдателем в сентябре 2018 г. С 2011 г. главы государств-членов ежегодно встречаются на различных саммитах для обсуждения перспектив сотрудничества по многим вопросам, таким как торговля, образование, туризм, транспорт, спорт и таможенные проблемы. На 8-м саммите, состоявшемся в Стамбуле в ноябре 2021 г., организация официально сменила название на Организацию тюркских государств.

Основными органами ОТГ являются Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Комитет старших должностных лиц и Секретариат, которые осуществляют свою деятельность в координации с рядом аффилированных учреждений, таких как Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (TÜRKPA), Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY), Международная тюркская академия, Фонд тюркской культуры и наследия, Тюркский деловой совет, Союз тюркских университетов и Тюркская торгово-промышленная палата⁴. Следует отметить, что TÜRKSOY и TÜRKPA были созданы раньше, чем ОТГ, в 1993 и 2008 гг. соответственно.

⁴ Подробнее см. официальный сайт организации. URL: <https://www.turkkon.org/en> (accessed: 04.02.2022).

Как указывалось ранее, Турция сыграла решающую роль в создании ОТГ, что можно рассматривать как кульминацию многолетних усилий турецких лидеров по развитию сотрудничества между тюркскими республиками. На самом деле первый саммит глав тюркских государств прошел в Анкаре еще в 1992 г., а второй — в Стамбуле. До того как в 2009 г. Тюркский совет стал официальной организацией, еще шесть подобных встреч на высшем уровне было проведено в различных городах тюркского мира, включая Баку, Астану, Ташкент и Бишкек.

Таким образом, в 1990-х гг. элемент пантюркизма был гораздо более заметен в речах турецких лидеров по отношению к тюркским республикам, что, вероятно, лучше всего демонстрирует заявление, сделанное президентом Т. Озалом в его инаугурационной речи на первом тюркском саммите в Анкаре: «XXI век будет веком турок»⁵. Несмотря на то, что официальные лица турецкого министерства иностранных дел в то время настаивали на том, что «Турция никогда не стремилась сформировать какую-либо форму содружества или союза с новыми независимыми тюркскими государствами бывшего Советского Союза», Дж. Уинроу, напротив, уточнял, что «ключевые турецкие политики, возможно, надеялись... установить гораздо более институционализированную форму сотрудничества, возможно, по образцу Тюркского содружества» (Winrow, 1995, p. 16).

Однако энтузиазм Анкары по продвижению институционализированного сотрудничества между тюркскими государствами, видимо, раздражал Россию, которая даже обвинила Турцию в навязывании идей пантюркизма лидерам тюркских государств⁶. Обеспокоенность Москвы вызвали также регулярно проводимые тюркские генеральные ассамблеи, первая из которых состоялась в Анталье в марте 1993 г. с участием Т. Озала и

⁵ Hepimiz Türküz, Ev Sahibi Sayılırız // *Milliyet*. October 31, 1992. URL: <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/Arsiv/1992/10/31> (accessed: 04.02.2022).

⁶ The Central Asian Community Can Become an Alternative to the CIS // *Nezavisimaya gazeta*. October 21, 1992. URL: <https://www.ng.ru/archive> (accessed: 04.02.2022).

С. Демиреля, где присутствовали не только представители тюркских республик, но и делегации российских регионов, где проживают тюркоязычные народы (Winrow, 2001, p. 213).

Несмотря на реакцию России, Анкара с особым воодушевлением восприняла проведение первого тюркского саммита. Однако нежелание тюркских президентов противодействовать России и мириться с появлением Турции в качестве нового «Большого брата» в регионе вылилось в очень расплывчатую декларацию саммита, в которой даже не упоминалась возможность формирования тюркского общего рынка или создания тюркского инвестиционного банка, предложенного турецкими лидерами (Winrow, 1995). Декларация также не осудила Армению как агрессора в Нагорно-Карабахском споре и не признала политические права турецкой общины на Кипре, хотя Анкара приложила немало усилий, чтобы включить эти вопросы в итоговый документ (Aydın, 2002, pp. 388—390).

Неутешительные итоги первого тюркского саммита не помешали тюркским лидерам договориться о созыве в январе 1994 г. в Баку второго саммита, который пришлось перенести на октябрь. При этом его проведение оказалось возможным только в Стамбуле, якобы из-за давления российского правительства на некоторых президентов тюркских республик⁷. Все эти события вынудили турецких политиков скорректировать свои смелые ожидания в отношении тюркского мира и разработать после 1995 г. гораздо более прагматичную политику, которая была сосредоточена на укреплении экономических и культурных связей Турции с Кавказом и Центральной Азией, не бросая при этом открытых вызовов Москве на бывшем советском пространстве (Köstem, 2017). Этот новый турецкий подход неизбежно ослаблял значение встреч на высшем уровне лидеров тюркских государств, хотя подобные встречи по-прежнему проводились на регулярной основе. Возникновение ряда политических проблем между турецким и узбекским

правительствами во второй половине 1990-х гг. также подорвало лозунг тюркской солидарности, поскольку Узбекистан все больше отдалялся от турецкой платформы⁸.

ОТГ, напротив, имела в своей основе гораздо более скромные цели. Как утверждает С. Кёстем, «в отличие от 1990-х гг., Турция больше не стремится к активной руководящей роли на постсоветском пространстве», где она «постепенно, но решительно осознала пределы своего политического и экономического влияния» (Köstem, 2019, p. 111). Это также связано с тем, что Ближний Восток, а не Кавказ и Центральная Азия, стал центром внешней политики Турции в период правления Партии справедливости и развития с 2002 г. Менее амбициозная повестка дня Турции в регионе также нашла свое отражение в деятельности ОТГ, которая стала ориентироваться на развитие экономического, научного, образовательного, социального и культурного сотрудничества между государствами-членами, а не на непосредственное решение сложных вопросов политической безопасности на Кавказе и в Центральной Азии.

Из вышесказанного не следует, что ОТГ полностью отказалась от влияния на внешнеполитическую сферу. Так, в сентябре 2021 г. в Стамбуле была проведена специальная встреча для обсуждения последних событий в Афганистане, в то время как другие региональные вопросы, такие как Египет, Кипр и Нагорный Карабах, уже ранее упоминались в некоторых заявлениях или декларациях органов ОТГ (Kocaman, 2021). Однако влияние ОТГ в вопросах политики и безопасности весьма скромно, особенно по сравнению с другими региональными организациями постсоветской Евразии, такими как ШОС или Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Это также можно рассматривать как основную причину, по которой Москва не рассматривала деятельность ОТГ как угрозу своим интересам на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что некоторые аналитики указывают на озабоченность российского руководства

⁷ Davos'ta Türk Zirvesi // Milliyet. January 27, 1994. URL: <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/Arsiv/1994/01/27> (accessed: 04.02.2022).

⁸ Özbekistan'la İnışli Çıkışlı İlişkiler // Aljazeera Turk. September 9, 2016. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/ozbekistanla-inisli-cikisli-iliskiler> (accessed: 16.11.2021).

относительно ОТГ, следует отметить, что эта озабоченность до сих пор не получила отражения на уровне правительства⁹.

Разочарование начала 1990-х гг., когда политика Турции в отношении тюркских республик определялась в значительной степени пантюркистским видением, по-видимому, оказало серьезное влияние на то, как сегодня Анкара воспринимает роль ОТГ в Евразии. Например, турецкие лидеры тщательно следят за тем, чтобы деятельность ОТГ не бросала вызов геополитической повестке дня России в регионе. Это связано с тем, что в последние несколько лет между Анкарой и Москвой также произошло заметное сближение, что стало решающим фактором для обеспечения безопасности Турции в обширном регионе, простирающемся от Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья до Кавказа и Центральной Азии (Erşen & Köstem, 2020; Balta & Çelikpala, 2020; Kubicek, 2021).

Однако еще более важно то, что Турция стремилась превратить свои особые отношения с тюркским миром в преимущество, чтобы усилить свою роль в продвигаемой Китаем инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП). Такая роль вполне соответствует, по крайней мере, двум основным принципам внешней политики Турции в период правления Партии справедливости и развития: превентивная и активная мирная дипломатия и многоаспектный внешнеполитический подход¹⁰. Анкара усердно продвигает инициативу Транскаспийского международного транспортного маршрута (*Trans-Caspian East-West-Middle Corridor Initiative, Middle Corridor*) который представляет собой транспортный маршрут, соединяющий Турцию с Китаем через Кавказ и Центральную Азию с целью

возрождения древнего Шелкового пути. Как указано на сайте МИД Турции, «создание логистических центров и зон свободной торговли в портах Туркменистана, Казахстана и Азербайджана будет способствовать развитию и углублению транскаспийского сотрудничества»¹¹. С этой целью министры транспорта государств — членов ОТГ уже подписали общий протокол о сотрудничестве и в настоящее время они работают над завершением соглашения о комбинированных перевозках для развития Транскаспийского международного транспортного маршрута. Эти события еще раз доказывают, что Турция в отношении ОТГ теперь руководствуется прагматизмом, а не идеологическими соображениями.

Шанхайская организация сотрудничества

По сравнению с ОТГ роль Турции в ШОС была менее значимой, что неудивительно, если учесть, что ШОС была создана в 2001 г. как межправительственная площадка между Россией, Китаем и четырьмя центральноазиатскими государствами для сотрудничества в борьбе с так называемыми «тремя видами зла» в сфере безопасности — терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом (Aris, 2009). С этой целью в 2004 г. члены ШОС создали Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) со штаб-квартирой в Ташкенте. Кроме того, с 2003 г. они проводят совместные военные учения. Однако самым большим достижением ШОС является ее способность выступать в качестве своего рода геополитического противовеса Западу в глобальной политике, хотя это и не военный союз, как НАТО, и не политико-экономический интеграционный проект наподобие ЕС.

Конечно, определенная доля истины есть в том, что «институциональные слабости, отсутствие общих финансовых средств для

⁹ Sukhankin S. The Great Turan: Russia's Concerns about Turkey's Growing Reputation in Caucasus and Central Asia // *Politics Today*. May 20, 2021. URL: <https://politicstoday.org/the-great-turan-russia-turkey-caucasus-central-asia/> (accessed: 11.11.2021).

¹⁰ Davutoğlu A. Turkey's Zero Problems Foreign Policy // *Foreign Policy*. May 20, 2010. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy> (accessed: 10.02.2022).

¹¹ Turkey's Multilateral Transportation Policy // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-multilateral-transportation-policy.en.mfa (accessed: 04.02.2022).

реализации совместных проектов и противоречивые национальные интересы не позволили ШОС достичь более высокого уровня регионального сотрудничества», однако вступление в ШОС Индии и Пакистана в качестве полноправных членов в 2017 г. и последнее решение о повышении статуса Ирана с наблюдателя до полноправного члена в 2021 г. превратили Организацию в один из самых заметных региональных альянсов на евразийском пространстве¹². Несмотря на то, что вопросы безопасности по-прежнему доминируют в ее повестке, развитие сотрудничества в экономической и культурной сферах также стало одной из основных задач ШОС в последние годы. Именно поэтому ШОС была отведена роль ключевого института в совместной российско-китайской декларации в июне 2016 г., в которой две страны подчеркнули свою готовность продвигать «всестороннее евразийское партнерство, основанное на принципах открытости, прозрачности и взаимных интересов»¹³. В этом смысле ШОС становится одной из основных опор продвигаемой российским руководством с 2015 г. инициативы Большого евразийского партнерства (БЕП), в которую также включены Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Тот факт, что в ШОС входят ведущие региональные державы Евразии, стал одной из причин растущего интереса турецких политиков к этой структуре в 2010-х гг. (Contessi, 2019). В июле 2012 г. Турция была принята в ШОС в качестве «партнера по диалогу» и стала первым и пока единственным государством — членом НАТО, имеющим особые институциональные отношения с ШОС, что даже заставило аналитиков в то время утверждать, что это был «шаг с неясными

практическими последствиями, но существенным символическим значением»¹⁴. Еще более важным стало то, что Р.Т. Эрдоган публично объявил в телеинтервью в январе 2013 г., что его правительство будет готово присоединиться к ШОС в качестве полноправного члена в ответ на застопорившийся процесс членства Турции в ЕС. Это желание о налаживании более тесных отношений с ШОС он еще раз подтвердил в ноябре 2016 г.¹⁵ Усилия Анкары, направленные на сближение с ШОС, в конечном итоге увенчались председательством Турции в Энергетическом клубе ШОС в 2017 г., что стало очень примечательным событием, поскольку Турция оказалась первым государством, не являющимся членом ШОС, которое взяло на себя столь ответственную роль в одной из структур этой организации.

В ноябре 2016 г. в ответ на высказывание Р.Т. Эрдогана о заинтересованности Турции во вступлении в ШОС в качестве полноправного члена, официальный представитель МИД Китая Гэн Шуан заявил, что возможная заявка Турции на полноправное членство в организации будет оценена положительно¹⁶. Однако видный российский деятель генерал Леонид Ивашов, руководивший военным сотрудничеством участников Содружества Независимых Государств (СНГ) в 1996—2001 гг. и сыгравший важную роль в создании ШОС, заявил, что Турции сперва нужно было бы начать процесс выхода из НАТО, поскольку он не находит возможным присоединение страны — члена НАТО к ШОС в сложившихся обстоятельствах¹⁷.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Putin'e 'Şanghay Beşlisi' Teklifi // Anadolu Agency. January 25, 2013. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/putine-sangay-beslisi-teklifi/281518> (accessed: 18.11.2021); Erdoğan: 'Şanghay Beşlisi İçerisinde Türkiye Niye Olmasın?' Diyorum // Sputnik Turkey. November 20, 2016. URL: <https://tr.sputniknews.com/20161120/erdogan-ab-sanghay-beslisi-1025892702.html> (accessed: 12.11.2021).

¹⁶ Çin: Türkiye, Şanghay İşbirliği Örgütü'ne Üyelik Başvurusu Yaparsa Değerlendiririz // BBC Turkish. November 21, 2016. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-38051010> (accessed: 22.10.2021).

¹⁷ Russia, China Give Green Light after Ankara Highlights SCO Option // Daily Sabah. November 21, 2016. URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/>

¹² Grieger G. The Shanghai Cooperation Organization // European Parliamentary Research Service. 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/564368/EPRS_BRI\(2015\)564368_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/564368/EPRS_BRI(2015)564368_EN.pdf) (accessed: 18.11.2021).

¹³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (дата обращения: 11.11.2021).

В этом плане, несмотря на убежденность Р.Т. Эрдогана в том, что ШОС во внешней политике Турции может стать некоей альтернативой ЕС, именно давние военные связи Турции с НАТО осложняют развитие ее стратегических отношений с ШОС. Наряду с этим, как показывает высокий уровень представительства Турции на последних саммитах НАТО, турецкие лидеры не рассматривают возможность выхода из альянса в ближайшее время. Например, министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу дал понять, что Турции не нужно делать выбор между Россией и НАТО и она должна развивать отношения с обеими сторонами одновременно¹⁸.

Несмотря на подобные заявления представителей власти, национал-патриотические группы Турции по-прежнему продолжают рассматривать ШОС как реальную альтернативу Западу. Д. Перинчек, например, утверждает, что ШОС представляет собой современную евразийскую цивилизацию, которую Турция должна принять вместо устаревшей западной цивилизации¹⁹. В частности, после неудавшейся попытки государственного переворота, имевшей место в Турции в июле 2016 г., за укрепление евразийской оси во внешней политике Турции выступали и другие политические группы, что явилось следствием широко распространенного в турецком правительстве и обществе мнения о том, что США каким-то образом причастны к попытке государственного переворота²⁰. Это

2016/11/21/russia-china-give-green-light-after-ankara-highlights-sco-option (accessed: 15.11.2021).

¹⁸ Çavuşoğlu Moskova İle Yakınlaşma Eleştirilerine Yanıt Verdi: NATO ya da Rusya, Niye Seçmek Zorunda Kalalım // *Hürriyet*. November 5, 2021. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/cavusoglu-moskova-ile-yakinlasma-elestirilerine-yanit-verdi-nato-ya-da-rusya-niye-secmek-zorunda-kalalim-41908729> (accessed: 12.11.2021).

¹⁹ Çavuşoğlu Moskova İle Yakınlaşma Eleştirilerine Yanıt Verdi: NATO ya da Rusya, Niye Seçmek Zorunda Kalalım // *Hürriyet*. November 5, 2021. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/cavusoglu-moskova-ile-yakinlasma-elestirilerine-yanit-verdi-nato-ya-da-rusya-niye-secmek-zorunda-kalalim-41908729> (accessed: 12.11.2021).

²⁰ Darbenin Arkasında ABD Var: %79, OHAL Hayatımı Değiştirmede: %75 // *Haberturk*. November 29, 2016. URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/>

связано не только с тем, что Фетхуллах Гюлен, турецкий мусульманский священнослужитель, которого Анкара обвиняет в организации попытки государственного переворота, с 1999 г. живет в добровольном изгнании в США, но и с тем, что последовавшая реакция США, а также официальных лиц ЕС в отношении попытки государственного переворота была довольно сдержанной и нерешительной. Западные лидеры также весьма критично отнеслись к мерам правительства Турции по ликвидации последствий попытки государственного переворота, последовавшим за объявлением в стране чрезвычайного положения. Европейский парламент, например, в ноябре 2016 г. принял решение о временной приостановке переговоров с Турцией о вступлении в ЕС из-за «непропорциональных репрессивных мер» Анкары²¹.

В отличие от неоднозначной реакции Запада на инцидент в июле 2016 г. президенты России и Ирана решительно заявили о поддержке турецкого правительства в борьбе с заговорщиками, а заместитель министра иностранных дел Китая посетил Анкару всего через две недели после попытки государственного переворота. Неудивительно, что попытка государственного переворота придавала значительный импульс отношениям Турции с этими тремя странами. Некоторые аналитики даже обратили внимание на появление слабо организованного, но довольно влиятельного «пророссийского лобби» в турецких государственных учреждениях и подчеркнули рост влияния евразийской группы Д. Перинчека на ключевые политические вопросы после июля 2016 г.²²

Еще до июля 2016 г. Россия стала одним из ведущих торговых партнеров Турции и играла решающую роль на турецком энергетическом рынке, о чем свидетельствуют грандиозные энергетические проекты, такие как газопровод «Турецкий поток», запущенный в 2020 г., и атомная электростанция «Аккую»,

1329969-darbenin-arkasinda-abd-var--79-ohal-hayatimi-degistirmede--75# (accessed: 11.11.2021).

²¹ European Parliament Votes to Suspend Turkish Membership Talks // *Financial Times*. November 24, 2016. URL: <https://www.ft.com/content/afa9ecd8-c324-303a-b203-2073ff1aada6> (accessed: 15.11.2021).

²² Ibid.

которая строится российской государственной компанией «Росатом». После попытки государственного переворота турецко-российское сближение набрало еще большие обороты, и две страны создали в Сирии совместно с Ираном механизм военно-политического диалога, что в итоге позволило Анкаре провести ряд крупномасштабных трансграничных военных операций по ликвидации угроз для своей безопасности, исходящих от ИГИЛ²³ и РYD/YPG (Köstem, 2020). Кроме того, в сентябре 2017 г. Турция заключила сделку с Россией о покупке передовой системы противоракетной обороны С-400 «Триумф», несмотря на угрозы Вашингтона, что такие действия могут привести к санкциям США против Анкары.

Турецко-китайские отношения также развиваются в экономической сфере особенно после 2016 г. Анкара стремится принимать активное участие в инициативе ОПОП с 2013 г., с того самого момента, как председатель КНР Си Цзиньпин объявил об этом с целью привлечения большего количества китайских инвестиций. С этой же целью Турция стала одним из членов — основателей Азиатского банка инфраструктуры и инвестиций (АБИИ), которым руководит Китай, а Р.Т. Эрдоган принял участие в Форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь», состоявшемся в Пекине в мае 2017 г. Эти усилия, как представляется, окупались. По состоянию на 2019 г., китайские инвестиции в Турцию превысили 2,6 млрд долл. США²⁴. Кроме того, как уже отмечалось, Турция очень заинтересована в развитии Транскаспийского международного транспортного маршрута. Запуск железной дороги Баку — Тбилиси — Карс в октябре 2017 г. стал здесь важной вехой. Первый поезд, перевозивший товары из Турции в Китай, достиг конечного пункта назначения уже в декабре 2020 г.²⁵

²³ Организация запрещена в РФ.

²⁴ Çinliler Türkiye’de Yatırım Peşinde // Ekonomist. February 8, 2020. URL: <https://www.ekonomist.com.tr/arastirmalar/cinliler-turkiyede-yatirim-pesinde.html> (accessed: 18.11.2021).

²⁵ Sahin T. 1st Turkey — China Freight Train Completes Historic Trip // Anadolu Agency. December 19, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/1st-turkey->

Последние данные о внешней торговле также показывают, что Китай и Россия входят в тройку крупнейших торговых партнеров Турции. Несмотря на то, что в экономических отношениях Турции с этими двумя странами наблюдается значительный дефицит торгового баланса, очевидно, что оба государства продолжают играть важную роль в турецкой экономике. Например, Центральный банк Турции в июне 2021 г. заключил соглашение с Китаем об увеличении существующего механизма валютных свопов до 6 млрд долл. США, чтобы увеличить золотовалютные резервы Турции²⁶. Это также можно рассматривать как основную причину, по которой турецкие лидеры стали больше интересоваться международными платформами, в которых Россия и Китай играют доминирующую роль, такими, например, как ШОС. Кроме того, ШОС потенциально может содействовать наведению мостов между Турцией и Индией, которая в последние несколько лет становится все более важным торговым партнером для Анкары.

Тем не менее, помимо изложенных прагматических экономических соображений, для понимания растущего интереса Турции к ШОС следует также принимать во внимание и идеологические факторы. Именно здесь становятся актуальными дискуссии о евразийстве, поскольку эта идеология обычно ассоциируется с авторитарным типом правления, а также с «восточной» моделью развития, основанной на «сильном государстве, слабой оппозиции и неразвитой системе сдержек и противовесов», в отличие от либерально-демократической западной модели²⁷.

[china-freight-train-completes-historic-trip/2082512](https://www.reuters.com/world/middle-east/erdogan-says-turkey-has-raised-fx-swap-deal-with-china-6-11-2021-06-13/) (accessed: 16.11.2021).

²⁶ Erdogan Says Turkey Has Raised FX Swap Deal with China to \$6 Bln // Reuters. June 13, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/erdogan-says-turkey-has-raised-fx-swap-deal-with-china-6-11-2021-06-13/> (accessed: 15.11.2021).

²⁷ Puddington A. Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians // Freedom House. June 2017. URL: [Puddington A. Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians // Freedom House. June 2017. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/June2017_](https://freedomhouse.org/sites/default/files/June2017_)

В этой связи необходимо отметить, что турецкая политическая система после 2016 г. стала гораздо больше напоминать эту восточную модель, так как полномочия президента Турции по отношению к судебной и исполнительной власти были значительно расширены после проведенного в 2017 г. референдума. Резкая критика Р.Т. Эрдоганом западного либерального порядка и усилия по продвижению автономии Турции во внешней политике также соответствуют евразийским идеалам, связанным с ШОС. Это можно рассматривать как еще одно свидетельство того, что эти идеи (если не евразийская идеология) продолжают играть важную роль в отношениях Турции с этой организацией.

Заключение

По мере того как связи Турции с Западом становятся все более сложными вследствие растущего раскола между Анкарой и ее союзниками по НАТО из-за ряда политических и экономических проблем, другие региональные и глобальные игроки начинают играть все более значимую роль во внешних связях Турции, особенно после неудавшейся попытки государственного переворота в июле 2016 г. Некоторые аналитики (Dursun-Ozkanca, 2019) даже указывают на явное смещение оси во внешней политике Турции²⁸. Поскольку две ведущие державы — Россия и Китай — олицетворяют собой возникновение многополярного мирового порядка, то они, естественно, играют ключевую роль в том, как турецкий истеблишмент воспринимает современную мировую политику. Это также постепенно меняет смысл понятия Евразия, которое раньше в значительной степени ассоциировалось с постсоветским пространством во внешней политике Турции. В этом плане Китай в последнее время также стал играть заметную роль в турецких дебатах по поводу Евразии и евразийства (Üngör, 2019).

FH_Report_Breaking_Down_Democracy.pdf (accessed: 12.11.2021).

²⁸ См. также: Nasi S. Turkey's Shift of Axis // *Hürriyet Daily News*. August 1, 2016. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/selin-nasi/turkeys-shift-of-axis-102315> (accessed: 11.11.2021).

Растущий интерес Турции к евразийским организациям на этом геополитическом фоне вполне обоснован. Очевидно, что в последние несколько лет ОТГ и в большей степени ШОС стали играть более важную роль во внешней политике Турции. В то время как прагматические экономические соображения, такие как активное участие в ОПОП, поддержание особого энергетического диалога с Россией или привлечение большего объема инвестиций из Китая сыграли весьма заметную роль в формировании политики Турции в отношении этих двух организаций, идеологические соображения не следует полностью отодвигать на второй план. Например, ОТГ по-прежнему является чисто тюркской организацией, что неизбежно подчеркивает некоторые популярные лозунги пантюркизма, даже если Анкара будет весьма осторожна, чтобы не оттолкнуть Россию в этом вопросе. Вместе с тем «разочарование турецких лидеров в западных ценностях, а также их энтузиазм в отношении принятия альтернативной модели, в которой сильные лидеры и реформы под руководством государства необходимы для политического, экономического и социального развития», по-видимому, оказались главным фактором в усилиях Турции по развитию отношений с ШОС (Turkey's Pivot to Eurasia..., 2019, p. 8).

Короче говоря, можно утверждать, что и прагматизм, и идеология влияют на политику Турции в отношении региональной интеграции на евразийском пространстве. Сегодня, особенно в свете внутренних экономических трудностей, которые стали гораздо более заметными в последние несколько лет, турецкие лидеры, похоже, больше полагаются на прагматизм, чем на идеологию, в пересмотре своих региональных приоритетов. Вот почему следует ожидать, что Анкара продолжит развивать политические и экономические связи с евразийскими государствами, а также с базирующимися в Евразии региональными организациями, даже несмотря на то, что ее членство в НАТО и таможенный союз с ЕС могут затруднить для Турции выход на такие организации, как ЕАЭС или ОДКБ. В этом смысле ОТГ и ШОС, вероятно, останутся двумя

важнейшими платформами, формирующими евразийскую стратегию Турции в обозримом будущем. Однако следует отметить, что пока неясно, сможет ли Турция сыграть значимую роль в продвигаемом Россией проекте Большого евразийского партнерства, который представляет собой грандиозную, хотя и неоднозначную, инициативу регионального сотрудничества, вызывающую повышенный

интерес со стороны Китая и других евразийских государств. Возможное включение Турции в проект Большого евразийского партнерства будет во многом зависеть от того, как Анкара определяет свои внешнеполитические интересы в свете прагматических соображений и идеологических мотивов не только в Евразии, но и по отношению к Западу.

Поступила в редакцию / Received: 20.11.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 15.12.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2022

Библиографический список

- Дугин А. Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. Москва : Арктогея-Центр, 2000.
- Akçalı E., Perinçek M. Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14, no. 3. P. 550—569. <https://doi.org/10.1080/14650040802693564>
- Aktürk Ş. Counter Hegemonic Visions and Reconciliation through the Past: The Case of Turkish Eurasianism // *Ab Imperio*. 2004. No. 4. P. 215—236.
- Aktürk Ş. The Fourth Style of Politics: Eurasianism as a pro-Russian Rethinking of Turkey's Geopolitical Identity // *Turkish Studies*. 2015. Vol. 16, no. 1. P. 54—79. <https://doi.org/10.1080/14683849.2015.1021246>
- Aris S. The Shanghai Cooperation Organisation: 'Tackling the Three Evils'. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an anti-Western Bloc? // *Europe — Asia Studies*. 2009. Vol. 61, no. 3. P. 457—482. <https://doi.org/10.1080/09668130902753309>
- Aydın M. Kafkasya ve Orta Asya'yla İlişkiler // *Türk Dış Politikası Cilt II* / ed. by B. Oran. İstanbul : İletişim, 2002. P. 366—439.
- Aydın M. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // *Central Asian Survey*. 1996. Vol. 15, no. 2. P. 157—177. <https://doi.org/10.1080/02634939608400943>
- Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia: Historical Patterns and Contemporary Trends in Bilateral Relations // *The Oxford Handbook of Turkish Politics* / ed. by G. M. Tezcür. Oxford : Oxford University Press, 2020. P. 1—20. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190064891.013.12>
- Contessi N. P. Turkey and the Shanghai Cooperation Organization: Common Values, Economics or Pure Geopolitics? // *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* / ed. by E. Erşen, S. Köstem. London : Routledge, 2019. P. 93—110. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-7>
- Dursun-Özkanca O. Turkey — West Relations: The Politics of Intra-Alliance Opposition. Cambridge : Cambridge University Press, 2019.
- Erşen E. The Evolution of 'Eurasia' as a Geopolitical Concept in post-Cold War Turkey // *Geopolitics*. 2013a. Vol. 18, no. 1. P. 24—44. <https://doi.org/10.1080/14650045.2012.665106>
- Erşen E. The Return of Eurasianism in Turkey: Relations with Russia and beyond // *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* / ed. by E. Erşen, S. Köstem. London : Routledge, 2019. P. 31—47. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-3>
- Erşen E. Türk Dış Politikasında Avrasya Yönelimi ve Şanghay İşbirliği Örgütü // *Ortadoğu Analiz*. 2013b. Vol. 5, no. 52. P. 14—23. URL: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/1emreersen.pdf (accessed: 11.11.2021). (На турецком языке).
- Erşen E., Köstem S. Turkey's Interest in Closer Relations with Russia: Global, Regional and Domestic Dynamics // *Siyasal: Journal of Political Sciences*. 2020. Vol. 29, no. 2. P. 231—245. <https://doi.org/10.26650/siyasal.2020.29.2.0026>
- İlhan A. Sultan Galiyef: Avrasya'da Dolaşan Hayalet. İstanbul : Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2000. (На турецком языке).
- İmanbeyli V. "Failed Exodus": Dugin's Networks in Turkey // *Eurasianism and European far Right: Reshaping the Europe — Russia Relationship* / ed. by M. Laruelle. Lanham : Lexington Books, 2015. P. 145—174.
- Koalisyon Protokolleri, Hükümet Programları ve Genel Kurul Görüşmeleri Cilt 3* / ed. by İ. Neziroğlu, T. Yılmaz. Ankara : TBMM, 2015. (На турецком языке).

- Kocaman Ö.* Adjusting to the “New Normal” of post-COVID 19: The Role of Organization of Turkic States in Multilateral Cooperation // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2021. Vol. 26, no. 2. P. 189—215.
- Köstem S.* Geopolitics, Identity and beyond: Turkey’s Renewed Interest in the Caucasus and Central Asia // *Turkey’s Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* / ed. by E. Erşen, S. Köstem. London : Routledge, 2019. P. 111—128. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-8>
- Köstem S.* Russian-Turkish Cooperation in Syria: Geopolitical Alignment with Limits // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. P. 1—23. <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Köstem S.* When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2017. Vol. 13, no. 3. P. 722—740. <https://doi.org/10.1093/fpa/orw016>
- Kubicek P.* Strictly Pragmatism? Prospects for a Russian-Turkish Partnership // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. Vol. 23, no. 2. P. 233—250. <https://doi.org/10.1080/19448953.2020.1867810>
- Landau J. M.* Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London : Hurst & Company, 1995.
- Özcan G.* Doksanlı Yıllarda Türkiye’nin Değişen Güvenlik Ortamı // *En Uzun Onyıl: Türkiye’nin Ulusal Güvenlik ve Dış Politika Gündeminde Doksanlı Yıllar* / ed. by G. Özcan, Ş. Kut. İstanbul : Boyut, 1998. P. 13—44. (На турецком языке).
- Perinçek D.* Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika. Ankara : Kaynak, 2000. (На турецком языке).
- Robins P.* Between Sentiment and Self-Interest: Turkey’s Policy toward Azerbaijan and the Central Asian States // *Middle East Journal*. 1993. Vol. 47, no. 4. P. 593—610.
- Turkey towards a Eurasian Shift?* / ed. by V. Talbot. Milano : Ledizioni LediPublishing, 2018.
- Turkey’s Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* / ed. by E. Erşen, S. Köstem. London : Routledge, 2019.
- Üngör Ç.* Heading towards the East? Sino-Turkish Relations after the July 15 Coup Attempt // *Turkey’s Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* / ed. by E. Erşen, S. Köstem. London : Routledge, 2019. P. 64—78. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-5>
- Winrow G.* Turkey and Central Asia // *Central Asian Security: The New International Context* / ed. by R. Allison, L. Jonson. London : Royal Institute of International Affairs, 2001. P. 199—218.
- Winrow G.* Turkey in post-Soviet Central Asia. London : Royal Institute for International Affairs, 1995.
- Yanik L. K.* Debating Eurasia: Political Travels of a Geographical Concept in Turkey // *Uluslararası İlişkiler*. 2019. Vol. 16, no. 63. P. 33—50. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.621290>

Сведения об авторе: Эршен Эмре — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Университета Мармары; ORCID: 0000-0001-6984-9908; e-mail: eersen@marmara.edu.tr